

Случилось мне недавно побывать у одного из моих знакомых на даче. Приехав, я увидел новый добротный дом под оцинкованной крышей, огород на загляденье всем, кругом цветы, яблони и чуть в стороне – теплица. Под стать огороду и в доме всё было ладно. В красном углу горницы – икона «Богородица с младенцем», посередине – большой стол и, конечно же, есть печка. Войдя в дом, мы прошли к столу по домотканым половикам. Редкость по теперешним временам, и словно домовитостью какой-то повеяло, особенным деревенским уютом.

На белоснежной скатерти уже поджидал гостей самовар. Пожилые люди любят посидеть за чашкой чая, им спешить некуда. Это молодёжь спешит по своим делам, наспех глотнув подогретого на плите чаю.

Вот так, сидя за столом и беседуя о том, о сём, мы и разговорились о печке. Печка в своё время играла важнейшую роль в жизни деревенского дома. Поэтому к ней у сельчан было особое отношение. Во-первых, она обогревала дом и его жителей. Во-вторых, в печке всё готовили, с её помощью всё сушили. И топили печи не только зимой, но и летом, чтобы дом не отсыревал. Поэтому дома и стояли чуть не по 300 лет.

В это время и я решил вставить своё слово. И рассказал о печке, которая была в родительском доме. Печка у нас была большая и занимала почти четверть дома. Чело печки было повернуто к окну, чтобы лучше видеть, что происходит внутри. С левой стороны находилась печурка, где сушили варежки, рукавицы и детские валенки.

Влезть на печку можно было по лесенке, состоящей из нескольких ступеней. На печи всегда было много тряпья, сушились телогрейки, валенки. А, впрочем, там можно было и погреть косточки во время болезни, или так погреться.

Со стороны чела были три топки. Одна – это русская печь с огромным сводом и таким же подом. Там и грелось, и варилось то, что было приготовлено утром. Всё заготовленное накладывали в чугуны и ставили в печку, а в обед или вечером доставали готовое и распределяли: что себе на стол, а что на корм скоту.

Хочу отметить, что русскую печку было не так легко разжечь. Сначала накладывали поленца колодцем, а на них – стопочкой, да и то равномерных, чтобы они сгорали одновременно и не давали головёшек. Потом угли разгребали по сторонам и ставили чугуны. Если чугуны были большие, то пользовались не только ухватом, но и катком. А потом закрывали всё это заслонкой.

Подтопок служил для обогрева, когда русская печь не топилась. Поэтому у подтопка было множество дымоходов до самого потолка. И ещё у печки на месте шестка была плита на две конфорки. Плита служила для подогрева или приготовления пищи на скорую руку. А у самого пола было отверстие подпечка, где хранилась вся необходимая утварь: ухваты, сковородники, катки и, конечно же, кочерга.

В прежние времена заслонки для печей делали на кузнице. Они были с механизмом и двумя захлопушками: одна закрывала, другая ещё раз перекрывала. Для удаления запаха были предусмотрены отдушины, открыв которые можно было покурить, не задымив воздух в доме.

Тёплая сторона подтопка выходила в комнату, и в ней было всегда тепло, а если тепло – значит, и уютно. Это лишь малая толика знаний об устройстве печи и её роли.

Под стать чудо-печке были и мастера. Помнится, Александр Васильевич, живший неподалёку, славился как отличный печник. К нему всегда ходили односельчане, чтобы заранее договориться о постройке новой или ремонте старой печки. Как я помню, это был уже пожилой человек лет 65 – 70,

среднего роста, с окладистой бородой, с узким худощавым лицом, но при этом умными, выразительными карими глазами.

Договорившись с заказчиком, Васильевич (так все кратко звали печника) собирал свой фанерный ящик с инструментом, складывал в рюкзак запасную одежду, полотенца, другие необходимые вещи и уходил из дома на 1,5 – 2 месяца. Потому что печка – дело нешуточное. Нужно набрать глину, замочить её, и пропорцию соблюдать надо. Если будет много глины – печь потрескается, а если много песка – то рассыпаться будет. Да и кирпич не всякий подойдёт: какой на свод, какой на под, какой на дымоход и стенки. В общем, это целая наука.

Печку делал Васильевич с любовью и с уважением к людям. Вот и служат эти печи до сих пор, то есть по 50 – 80 лет. Но и делал он их, как я уже говорил, долго. Не то что, порой, работают сейчас, в наше рыночное время: он и топора посадить не может, а берётся дома делать. Получается, что ушло время серьёзных, умных и умелых мастеров, а пришло – наглых, бесстыжих и подлых подмастерьев, продающих совесть за выгоду и не имеющих никаких нравственных преград.

Вот у моей знакомой, например, третий раз печку переделывают. В первый раз кирпич оказался не тот – рассыпается, во второй раз – тяги нет, весь дом прокопчён, в третий раз – не греет...

Но я, кажется, несколько отвлёкся от темы. А хочется ещё рассказать о Васильевиче. Зная, что у него очень ревнивая жена, над ним часто подшучивали. Когда, сделав печку, он собирался домой, шутники брызгали ему на одежду духами. И вот Васильевич, придя домой после тяжёлой работы и поставив чемодан с инструментами и рюкзак, сел за накрытый стол. Жена перебирала его одежду и, учуяв запах духов, прямо-таки взрывалась. Она бросалась к мужу и, хлопая его рубашкой, приговаривала: «Вот, оказывается, какой ты печник! Сознаться, где блудил, иди, откуда пришёл!»

Васильевич, по своей натуре человек спокойный, свирепел. Он брался за стоявший в коридоре лом, да и начинал гонять жену вокруг дома, пока она не шмыгнёт в сторону и не спрячется у кого-нибудь из соседей.

Раньше такое часто бывало. Люди старались сохранить семью. Да и общественность была, брала на себя роль миротворца. Через день-два всё успокаивалось, и уже через месяц Васильевич опять уходил из дома класть очередную печку.

Человека уже давно нет, а дела рук его остались людям и продолжают согревать им не только тело, но и душу. Царство тебе небесное, Васильевич, спасибо за тепло, подаренное твоими умелыми руками... Вот так, за чаем, мы и поговорили о том, о сём, и вспомнили Васильевича. А сколько таких умельцев было, да и есть на Руси, которые работали и работают не ради денег, а за совесть. И вы, уверен, обязательно знаете таких.